

ИЗ ПРОШЛОГО МАРКСИЗМА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Том II. М., 1956

Материалистическое понимание истории

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

(23 марта 1901 г.)

Милостивые государины и милостивые государи!

Говоря об эволюции философии истории, я до сих пор оставался главным образом на Франции. За исключением св. Августина и Гольбаха, все писатели, исторические воззрения которых я излагал пред вами, были французы. Теперь мы перешагнем через французскую границу и вступим на германскую почву.

Германия в первую половину XIX столетия была классической страной философии. Фихте, Шеллинг, Гегель и столько других, менее крупных, менее знаменитых, но не менее преданных делу искания истины философов одни за другими углубляли философские вопросы, эти трудные вопросы, которые уже так стары и которые, однако, всегда останутся новыми. Среди этих больших вопросов философия истории занимала одно из самых важных мест. Не будет, следовательно, бесполезно для вас посмотреть, как германские философы отвечали на вопрос о том, каковы причины исторического процесса и прогресса человеческого рода.

Но так как мы не располагаем достаточным временем, чтобы подробно разобрать философию истории, выдвигаемую каждым из этих философов, мы вынуждены удовольствоваться ознакомлением со взглядами двух главных из них: Шеллинга и Гегеля. И даже на исторических воззрениях этих философов мы мо-

жем остановиться только поверхностно. Так, например, что касается Шеллинга, я коснусь лишь его понятия свободы.

Историческая эволюция есть цепь явлений, подчиненных определенным законам. Явления, подчиненные определенным законам, суть явления *необходимые*.

Пример: дождь. Дождь есть явление закономерное. Это значит, что при определенных условиях капли воды непременно падают на землю. И это вполне понятно, когда речь идет о каплях воды, не обладающих ни сознанием, ни волей. Но в исторических явлениях действуют не неодушевленные предметы, а люди; люди же одарены сознанием и волей. Поэтому можно с полным основанием поставить вопрос: не исключает ли понятие необходимости, вне которого не может быть *научного* познания явлений как в истории, так и в естествознании, понятия *человеческой свободы*? Сформулированный другими словами, вопрос принимает такой вид: *можно ли примирить свободу действия людей с исторической необходимостью?*

На первый взгляд кажется, что нельзя, что необходимость исключает свободу и наоборот. Но так кажется только тому, чей взгляд скользит по поверхности вещей, *не проникая* глубже внешней оболочки явлений. В действительности же этого пресловутого противоречия, этой якобы антиномии свободы и необходимости, вовсе не существует. Свобода не только не исключает необходимости, но является ее предпосылкой и ее основанием. И именно это положение Шеллинг старается доказать в одной из глав своей книги, озаглавленной «Система трансцендентального идеализма».

По его мнению, свобода невозможна без необходимости.

Если я в своих действиях должен считаться только со *свободой* других людей, я не в состоянии *предвидеть последствий своих действий*, ибо самый точный мой расчет в любой момент может быть нарушен чужой свободой, и поэтому из моих действий может получиться совсем не тот результат, какой я предвидел. У меня, следовательно, не было бы никакой свободы, и моя жизнь была бы подвержена случайностям. Я смогу быть уверен в последствиях моих действий лишь в том случае, когда я смогу

предвидеть действия моих ближних, а чтобы я мог их предвидеть, нужно, чтобы они были подчинены каким-нибудь законам, т. е. нужно, чтобы они чем-нибудь обуславливались, чтобы они были *необходимы*. Необходимость действий других людей является, таким образом, первым условием свободы моих действий. Но с другой стороны, действуя *необходимым* образом, люди могут в то же время сохранять полную свободу своих действий. Что такое *необходимое* действие? Это – действие, которое данный индивидуум не может не произвести в определенных условиях. Откуда же проистекает невозможность не совершить этого действия? Она обуславливается *природой* этого человека, созданной его наследственностью и предшествующим его развитием. Природа этого человека такова, что он не может не действовать данным образом в данных условиях. Это ясно, не правда ли? Прибавьте же к этому, что природа этого человека такова, что он не может не испытывать определенных хотений, – и вы примирите понятие *свободы* с понятием *необходимости*. Я *свободен*, когда могу действовать так, *как я хочу*. И мое свободное действие в то же время необходимо, потому что мое хотение обусловлено моей природой и данными обстоятельствами. Необходимость не исключает, следовательно, свободы; необходимость – это та же свобода, но рассматриваемая с другой стороны, с другой точки зрения.

Обратив ваше внимание на ответ, который *Шеллинг* давал на великий вопрос о необходимости и свободе, я перехожу к его товарищу и сопернику – *Гегелю*.

Философия Гегеля была, подобно философии Шеллинга, *идеалистической*. По его мнению, *Дух* или *Идея* составляют сущность и как бы душу всего существующего. Даже сама материя есть лишь проявление Духа или Идеи. Возможно ли это? Есть ли материя в самом деле лишь проявление Духа? Это вопрос, который имеет огромную важность с философской точки зрения, но на котором нам теперь нет надобности останавливаться. Сейчас нам нужно изучить исторические воззрения, возникшие на этой идеалистической основе в системе Гегеля.

По воззрениям этого великого мыслителя, *история есть лишь развитие универсального духа во времени*. Философия истории – это история, рассматриваемая разумно. Она берет факты такими, как они есть, и единственная мысль, которую она в них вносит, – это *мысль, что разум управляет миром*. Это вам, без сомнения, напоминает французскую философию XVIII столетия, согласно которой мнения или разум управляют миром. Но Гегель понимал эту мысль особым образом. В своих лекциях по философии истории он говорит, что Анаксагор первый философски признал, что разум управляет миром, понимая под этим не сознающий себя разум, не ум как таковой, а *общие законы*. Движение планетной системы совершается по незыблемым законам, и эти законы составляют его разум, но ни солнце, ни планеты, движущиеся согласно этим законам, не сознают этого. Разум, направляющий исторический процесс, есть, следовательно, по Гегелю, *бессознательный разум*, – не что иное, как *совокупность законов, которая обслуживает историческое движение*. Что же касается человеческой мысли, мнений, которые французские философы XVIII столетия считали главной пружиной исторического движения, то Гегель в большинстве случаев рассматривал их как обусловленные образом жизни, или, другими словами, *общественным строем*. Именно к общественному строю обращается он, чтобы объяснить ход исторического процесса. В своей философии истории он говорит, например, что причиной падения Спарты было крайнее неравенство состояний. Он говорит также, что государство как политическая организация обязано своим происхождением неравенству состояний и борьбе бедных против богатых. И это еще не все. Происхождение семьи, по Гегелю, тесно связано с экономической эволюцией первобытных народов. Словом, каким бы идеалистом ни был Гегель, он, подобно французским историкам, о которых шла речь в предыдущей лекции, считал *общественный строй* самой глубокой основой жизни народов. В этом отношении он не отставал от своего времени. Но он и не опередил его. Он был бессилен объяснить *происхождение общественного строя*. Ибо говорить, как он это делает, что в данный период общественный строй данного народа, как и его по-

литический строй, как его религиозные и эстетические воззрения, как его моральное и интеллектуальное состояние зависят от *духа времени* – значит не объяснить ничего. В качестве идеалиста Гегель считает дух последним двигателем исторического движения. Когда какой-либо народ переходит с одной ступени своей эволюции на другую, это значит, что *абсолютный* (или универсальный) *дух*, носителем которого является этот народ, поднимается в высшую фазу своего развития. Так как подобные объяснения решительно ничего не объясняют, то Гегель вращался в том же порочном кругу, в каком вращались французские историки и социологи: они объясняли общественный строй состоянием идей, а состояние идей – общественным строем.

Мы видим, таким образом, что со всех сторон — со стороны философии, как и со стороны истории в собственном смысле и истории литературы, – эволюция общественной науки в ее различных отраслях приводила к одной и той же проблеме: *выяснить происхождение общественного строя*. Пока эта проблема оставалась неразрешенной, наука продолжала топтаться в логическом тупике, заявляя, что В есть причина А, и указывая при этом на А, как на причину В. И наоборот – все, по-видимому, должно было разъясниться, как только вопрос о происхождении общественного строя будет разрешен.

К разрешению этой-то проблемы и стремился *Маркс*, когда он выработывал свое *материалистическое* понимание истории.

В предисловии к одному из своих произведений, «К критике политической экономии», Маркс сам рассказывает, каким образом его занятия привели его к этому пониманию.

«Мои изыскания привели меня, – говорит он, – [к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, а скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, назвал гражданским обществом, и анатомию гражданского общества нужно искать в политической экономии»].

Это, как видите, тот же вывод, к которому пришли как французские историки, социологи и художественные критики, так и немецкие философы-идеалисты. Но Маркс идет дальше их. Он спрашивает, каковы причины, определяющие строй гражданского общества, и отвечает, что *анатомию гражданского общества нужно искать в политической экономии*. Таким образом, экономический строй каждого народа определяет его общественный строй, а общественный строй народа в свою очередь определяет его политический, религиозный строй и т. д. Но – спросите вы – экономический строй ведь тоже должен иметь свою причину? Конечно, как все на земле, и он имеет свою причину, и эта причина – *основная причина всякой общественной эволюции и, следовательно, всякого исторического движения – есть борьба, которую человек ведет с природой за свое существование*.

Я прочту вам то, что Маркс говорит об этом:

«В общественном производстве своей жизни [люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении

таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»].

Я хорошо понимаю, что этот язык, хотя и чрезвычайно ясный и точный, может показаться довольно темным. Поэтому я спешу разъяснить основную мысль материалистического понимания истории.

Основная идея Маркса сводится к следующему:

1. Производственные отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни. 2. *Производственные отношения в свою очередь определяют состоянием производительных сил. Посмотрим прежде всего, что такое производительные силы.*

Подобно всем животным, человек принужден бороться за свое существование. Всякая борьба сопряжена с известной затратой сил. Состояние сил определяет результат борьбы. У животных эти силы зависят от самой структуры их организма; сила

дикой лошади весьма резко отличается от силы льва, и причина этого различия кроется в различии их *организации*. Физическая организация человека также оказывает, конечно, решительное влияние на его способы борьбы за свое существование и на результаты этой борьбы. Но физическое строение человека дает ему некоторые преимущества, которых не имеют другие животные. Так, например, человек наделен *рукою*. Правда, его соседи, *четверорукие* животные (обезьяны), тоже обладают руками, но их руки менее приспособлены к различным работам, чем руки человека.

Рука вместе с предплечьем является *первым инструментом*, первым *орудием*, которым человек пользуется в своей борьбе за существование. Мускулы руки и плеча служат пружиною для удара или броска. Но мало-помалу машина отделяется от человека. Камень сперва служил человеку своей тяжестью, своей массой. Но затем масса эта прикрепляется к рукоятке, и мы имеем *топор*, *молот*. Рука, первое орудие человека, *служит* ему, таким образом, *для производства других орудий*, служит для приспособления материи к борьбе с природою, т. е. со всей остальной независимой материей. И чем более совершенствуется эта покоренная материя, чем больше развивается пользование орудиями, тем больше возрастает и сила человека в отношении к природе, тем больше возрастает его власть над природою.

Говорят, что человек – это животное, делающее орудия. Это определение глубже, чем кажется на первый взгляд. Действительно, как только человек завоевал возможность покорять себе и приспособлять одну часть материи для борьбы со всей остальной материей, естественный отбор и другие аналогичные причины должны были оказывать уже совсем второстепенное влияние на телесные изменения человека. Уже не органы его тела меняются – меняются его орудия и вещи, которые он приспособляет к своему употреблению при помощи этих орудий; не кожа его изменяется с изменением климата — меняется его *одежда*. Телесная трансформация человека прекращается (или становится незначительной), чтобы уступить место его *технической эволюции*. Техническая же эволюция – это *эволюция производительных сил*,

а эволюция производительных сил имеет решительное влияние на *группировку* людей, на состояние их культуры.

Современная нам наука отличает несколько социальных типов: 1) тип охотничий, 2) тип пастушеский, 3) тип земледельческий, оседлый, 4) тип промышленный и торговый.

Каждый из этих типов характеризуется определенными отношениями между людьми, отношениями, отнюдь не зависящими от их воли и обуславливающимися состоянием *производительных сил*. Возьмем для примера отношения *собственности*.

Строй собственности зависит от способа производства, ибо распределение и потребление богатств тесно связано со способом их добывания. У первобытных охотничьих народов часто несколько человек бывают вынуждены объединиться, чтобы захватить крупную дичь; так, австралийцы охотятся за кенгуру отрядами в несколько десятков человек; эскимосы собирают целую флотилию челноков для охоты за китами. Захваченные кенгуру, вытащенные на берег киты считаются общей добычей, и каждый съедает столько, сколько ему нужно для удовлетворения своего аппетита. Территория каждого охотничьего племени у австралийцев, так же как и у других охотничьих народов, считается коллективной собственностью; каждый охотится в ее пределах по своему усмотрению, с единственным только обязательством – не переходить на территорию соседних племен.

Но среди этой общей собственности некоторые предметы, находящиеся исключительно в личном пользовании данного индивидуума, – его одежда, его оружие – считаются его личной собственностью, между тем как палатка и ее обстановка составляют собственность семейную. Точно так же челнок, которым пользуются группы, состоящие из пяти или шести человек, принадлежит им сообща. Моментом, определяющим принадлежность предмета в собственность, является способ работы над ним, способ производства. Я отточил своими руками кремневый топор – он мой; мы с женой и детьми построили хижину – она принадлежит семье; я охотился со своими соплеменниками – убитые звери принадлежат нам сообща. Звери, которых я один убил на территории племени, принадлежат мне, и если зверь, раненный мною, случайно добит другим, он принадлежит нам обоим, а шкура его принадлежит тому, кто нанес смертельный удар.

Для этого каждая стрела отмечалась определенным знаком своего собственника. Вещь поистине замечательная: у краснокожих Северной Америки до введения огнестрельного оружия охота на бизонов была очень строго регламентирована. Если в тело бизона вонзилось несколько стрел, то их расположение решало, кому должна принадлежать та или другая часть убитого животного. Так, шкура его отдавалась тому, чья стрела проникла ближе к сердцу. Но так как с введением огнестрельного оружия пули не отмечены никакими отличительными знаками, то распределение убитых бизонов производится равными частями – они считаются, следовательно, общей собственностью.

Этот пример показывает с очевидностью, какая тесная связь существует между производством и строем собственности. Таким образом, отношения между людьми в производстве определяют отношения собственности, или, как говорил Гизо, состояние собственности. Но раз состояние собственности дано, уже легко понять строй всего общества, который отливается по форме собственности. Так теория Маркса разрешает проблему, которую не могли разрешить историки и философы первой половины XIX столетия.

Часто говорили – и до сих пор продолжают повторять, – что Маркс клеветает на людей, отрицая существование всякого другого жизненного стимула, кроме стимула экономического – стремления приобретать материальные блага. Это ложно. И, чтобы показать вам, до какой степени это ложно, я приведу вам один пример из области *зоологии*. Вы, конечно, знаете, что все анатомическое строение, все привычки, все инстинкты животного определяются его способом добывать себе пищу или, другими словами, его способом бороться за свое существование. Но это отнюдь не значит, что лев имеет лишь одну потребность – пожирать мясо или что баран испытывает лишь одно стремление – щипать траву. Далеко не так. Как травоядные, так и плотоядные животные имеют много других потребностей и много иных склонностей: потребность размножать свою породу, потребность забавляться и т. д. Но способ удовлетворения этих многочисленных потребностей определяется способом добывания себе пищи. Так, возьмем для примера игры животных...